

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-454-471
УДК 811.161.1'374:821.161.1

Научная статья / Research article

Интенсификаторы в идиостиле Ф.М. Достоевского: нестандартная сочетаемость и ее семантические эффекты

Е.В. Шарапова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Волхонка, 18/2
katyasharapik@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу нестандартных сочетаний интенсификаторов с опорными (главными) словами в языке Ф.М. Достоевского. Интенсификаторы — это слова, семантика которых полностью ориентирована на выражение интенсивности признака, действия или состояния, выраженного опорным словом. Для языка Достоевского характерна тенденция к образованию определенных типов нестандартных сочетаний с интенсификаторами. На примере отдельных интенсификаторов (*очень, горячий и горячо, изо всех сил* и др.) в статье рассматриваются основные типы нестандартной сочетаемости и описываются ее семантические эффекты. Работа выполнена на материале выборки словосочетаний из полного корпуса текстов Ф.М. Достоевского (художественные тексты, публицистика, личные письма, деловые письма и документы). Основным критерием для выявления нестандартной сочетаемости было наличие семантического рассогласования между интенсификатором и опорным словом, также учитывалось нарушение правил узуальной, идиоматической сочетаемости. Поскольку нормы лексической сочетаемости в современном русском языке сильно отличаются от норм XIX века, в качестве материала для сравнения был взят подкорпус текстов XIX века Национального корпуса русского языка. В статье показано, как в нестандартных сочетаниях с интенсификаторами происходит семантический сдвиг — профилирование периферийных семантических признаков опорных слов или «навязывание» опорному слову противоречащих его значению семантических компонентов. В нестандартных словосочетаниях изменяется концептуализация ситуации, обозначаемой опорным словом, то есть происходит своеобразная авторская переинтерпретация ситуации. Поэтому нестандартные словосочетания с интенсификаторами вносят существенный вклад в идиолект, идиостиль Ф.М. Достоевского и авторскую концептуализацию мира в его художественных произведениях.

Ключевые слова: интенсификатор, интенсивность, сочетаемость, контекстный семантический сдвиг, языковая концептуализация ситуации, идиостиль, язык Ф.М. Достоевского

Финансирование. Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-012-90025 «Лингвистическая модель идиостиля Достоевского: корпусные технологии в изучении художественного текста»

© Шарапова Е.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

Для цитирования:

Шарапова Е.В. Интенсификаторы в идиостиле Ф.М. Достоевского: нестандартная сочетаемость и ее семантические эффекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 454—471. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-454-471

UDK 811.161.1'374:821.161.1

Intensifiers in Fyodor Dostoevsky's Individual Style: Semantics of Irregular Lexical Combinations

Ekaterina V. Sharapova

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS
18/2, Volkhonka str., Moscow, Russian Federation, 119019
katyasharapik@gmail.com

Abstract. The paper is dedicated to the analysis of irregular intensifying constructions in Fyodor Dostoevsky's individual style, more specifically of irregular lexical combinations including an intensifier and a main word. The meaning of intensifies is completely focused on expressing the intensity of an attribute, action or state denominated by the main word. Fyodor Dostoevsky's writing style tends to form certain types of irregular lexical combinations including intensifiers. Through a case study of intensifiers *ochen'*, *goryachiil/goryacho*, *izo vsekh sil*, etc. the article describes several main types of irregular combinations with the view to find out semantic effects of irregular combinability. The analysis has covered the complete corpus of Fyodor Dostoevsky's texts (fiction, journalism, private correspondence, business correspondence and documents). The first discriminant mark of irregular combinations is the semantic contradiction between the terms, the violation of idiomatic compatibility rules is the second feature taken into account. Whereas collocational rules in modern Russian differ a lot from the language norms of the 19th century, the subcorpus of 19th century texts of the National Russian Corpus serves to test the irregular idiomatic combinability. The article shows how the irregular combinability causes context meaning shifts profiling peripheral semantic features of the main word or "imposing" on it an untypical and contradictory semantics. In irregular lexical combinations, the language representation changes due to the original authors reinterpretation of the referential situation. The irregular lexical combinations with intensifiers are thereafter a distinctive feature of Fyodor Dostoevsky's individual writing style that reveals his original conceptualization of the world.

Key words: intensifier, intensity, combinability of words, context meaning shifts, language representation, individual style, Fedor Dostoyevsky

Financing. Acknowledgments

The work was carried out within the framework of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) project No. 18-012-90025 "A linguistic model of Dostoevsky's individual style: corpus technologies in the analysis of literary text"

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

For citation:

Sharapova, E.V. (2021). Intensifiers in Fyodor Dostoevsky's Individual Style: Semantics of Irregular Lexical Combinations. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 454—471. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-454-471

Введение

К интенсификаторам мы относим слова-усилители со значением высокой (типа *очень*), чрезмерной (типа *слишком*) и предельной (типа *совсем*, *совершенно*) степени признака. Интенсификаторы — это семантически несамостоятельные слова, семантика которых ориентирована на передачу значения интенсивности признака, действия или состояния, выраженного другим словом. С семантической несамостоятельностью интенсификаторов тесно связано такое их свойство, как идиоматичность: многие интенсификаторы употребляются в коллокациях и обладают лексически ограниченной сочетаемостью. В модели «Смысл ↔ Текст» интенсификаторам соответствует лексическая функция Magn [1—3]. Одновременно для интенсификаторов характерна семантическая мотивированность, т. е. семантическая согласованность с главным словом, которая делает выбор того или иного интенсификатора неслучайным [4. С. 24—25; 5].

В языке Ф.М. Достоевского обнаруживаются устойчивые тенденции образования определенных типов нестандартных сочетаний интенсификаторов и опорных (главных) слов, которые являются важными характеристиками его идиостиля. Целью нашей работы является описание нестандартной сочетаемости, характерной для языка Достоевского, на примере отдельных интенсификаторов. Объект исследования — нестандартные сочетания интенсификаторов *очень*, *горячий/горячо* и *изо/из всех сил* (а также *изо/из всей силы*, *из последних сил*, *сколько есть сил/сколько было силы*, *что есть сил/что было силы*) с опорными словами. Выборка контекстов из полного корпуса текстов Ф.М. Достоевского составила 1811 словосочетаний с *очень*, 242 словосочетания с *горячий/горячо* и 306 словосочетаний с *изо всех сил* и др.

Анализ выборки словосочетаний с перечисленными интенсификаторами включал: 1) семантическую разметку опорных слов; 2) выделение основных семантических классов опорных слов; 3) анализ случаев нарушения семантической и идиоматической, узуальной сочетаемости; 4) анализ семантических эффектов нестандартной сочетаемости. Также мы указываем на семантически близкие к рассмотренным интенсификаторы, которые участвуют в образовании тех же типов словосочетаний (следовательно, тех же текстовых категорий и особенностей идиостиля).

Для сравнения в работе использовался подкорпус текстов XIX века Национального корпуса русского языка¹ [6]. Среди нестандартных словосочетаний, которые будут описаны в этой работе, есть те, которые можно условно

¹ Далее в статье обозначен как [НКРЯ 1801—1900].

назвать уникальными — они встречаются в текстах Достоевского, но не были найдены в выбранном подкорпусе текстов (например, *очень поцеловаться*, *очень работать*, *горячо прислушиваться*, *изо всей силы бояться*). Кроме них есть также словосочетания не уникальные. Сравнительно незначительная абсолютная частота таких словосочетаний не позволяет говорить об их широкой употребительности. Например, *очень целовать* в [НКРЯ 1801—1900] имеет 1 вхождение за пределами текстов Ф.М. Достоевского, а поиск словосочетания *очень кланяться* дает всего 34 вхождения, ср. соответственно *очень понять* — 3 и *хорошо понять* — 251, *очень искать* — 3 и *жадно искать* — 32, *изо всех сил хотеть* — 1 и *очень хотеть* — 140.

Очень: эмоциональная оценка и эмфаза

В некоторых исследованиях о языке Ф.М. Достоевского были отмечены случаи нестандартной сочетаемости интенсификаторов: *очень молчать*, *ужасно умела слушать*, *совершенно знать* [7. С. 191; 8. С. 189—190].

У глагольных действий и состояний выделяется целый ряд специальных параметров — временных, аспектуальных, акциональных, и наречные интенсификаторы могут относиться к конкретному параметру и указывать на его степень, а также могут характеризовать субъекта ситуации: *горячо любить*, *крепко спать*, *крепко поцеловаться*, *ожесточенно спорить* и т.д., см. [9]. Такие интенсификаторы часто имеют идиоматическую, лексически ограниченную сочетаемость. Интенсификаторы типа *очень* или *ужасно* лишены дополнительных смыслов такого рода, т. е. указывают непосредственно на интенсивность действия или состояния и не отсылают к конкретным параметрам ситуации, которые подвергаются интенсификации.

Непредельный интенсификатор *очень* является наиболее неспецифичным, нейтральным в плане семантики, однако не является универсальным в плане сочетаемости. *Очень* свободно сочетается с непредельными (в смысле [10. С. 44]) качественными прилагательными и наречиями, а также с предикативами: *очень противный*, *очень грязный*; *очень быстро*, *очень громко*; *очень тяжело*, *очень жаль*. Что касается глаголов, то непредельные интенсификаторы типа *очень* сочетаются с предикатами определенных семантических классов, которые имеют семантические связи с непредельными признаками и интенсифицируемыми состояниями, а также соответствующими каузативами: *очень любить*, *очень хотеть*, *очень постареть*, *очень обидеть*.

В языке Ф.М. Достоевского нестандартные словосочетания образуются при присоединении *очень* к самым разным группам предикатов, которые требуют при себе интенсификатора, обозначающего конкретный параметр. Такого рода замены — общий процесс, свойственный всем текстам Ф.М. Достоевского. Мы рассмотрим нестандартные словосочетания с обозначениями физических действий, глаголами речи, ментальными и перцептивными предикатами.

В сочетаниях с глаголами физических действий и деятельности *очень* может употребляться на месте обозначений различных параметров действий:

(1) *Я бы очень вас попросил, — перебил вдруг Алеша, — дать мне какую-нибудь чистую тряпочку, чтобы завязать палец. Я очень поранил его, и он у меня мучительно теперь болит.* (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»);

(2) *Он [князь Сергей Петрович] не докончил и захныкал над моей головой. Признаюсь, почти заплакал и я; по крайней мере искренно и с удовольствием обнял моего чудака. Мы очень поцеловались* (Ф.М. Достоевский «Подросток»);

(3) *Я его теперь очень ищу, я очень бы желал его видеть или от вас узнать, где он теперь находится* (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»);

(4) *Итак, благодарю Вас и если несколько опоздал ответом, то потому, что уж очень работал над февральским выпуском и едва поспел к сроку* (Ф.М. Достоевский Письма);

(5) [Петр Степанович] *Обращался и к Прасковье Ивановне и к Лизавете Николаевне, даже мельком сгоряча крикнул что-то отцу, — одним словом, очень вертелся по комнате* (Ф.М. Достоевский «Бесы»).

В примере (1) *очень* обозначает характеристику результата, при норме *сильно поранил*; в (2) это характеристика эмоционального состояния субъекта ситуации, при норме *крепко, горячо поцеловались*; в (3) и (4) — характеристика количества прилагаемых усилий, при норме *упорно ищу, упорно работал*; в (5) — характеристика конкретного параметра действия, при норме *быстро, без остановки вертелся*. В (3) и (4) *очень* может быть воспринято как замена обозначения пространственного или временного параметра действия, ср. *езде ищу, долго работал*. В нестандартных сочетаниях с *очень* интенсифицируется не один из аспектов ситуации, а вся ситуация в целом.

В группе ментальных и перцептивных предикатов выделяются две подгруппы: глаголы активных ментальных и перцептивных процессов (*думать, мечтать, смотреть, слушать, прислушиваться*) и глаголы изменения состояния (*понять, вспомнить, заметить, убедиться*).

Глаголы изменения ментального (информационного) состояния с пропозициональным объектом (*понять, запомнить*) сочетаются с показателями степени *хорошо, прекрасно, отлично*, которые являются в данном случае показателями полного охвата и относятся не к состоянию, а к объему информации (т. е. к содержанию): *хорошо понял* ≈ 'понял все; понял достаточно'. Замена квантификаторов *хорошо, прекрасно, отлично* на *очень* переносит акцент с полноты информации на состояние человека и его отношение к этой информации — подчеркивается значимость этой информации и сила ее воздействия на субъекта:

(6) *Мне кажется, что, дезертируя домой, он в состоянии был очень понять, что делает худо, и очень может быть, что не хвалил себя первый сам, но в то же время никогда и не полагал, что родина его останется без защиты и без прикрытия, если он убежит <...>* (Ф.М. Достоевский «Дневник писателя»);

(7) *Да, да! — подхватил Разумихин, — **очень заметил!*** (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»);

(8) *Я именно и уважаю тебя за то, что ты смог, в наше прокислое время, завести в душе своей какую-то там «свою идею» (не беспокойся, я **очень запомнил**)* (Ф.М. Достоевский «Подросток»);

(9) *Правда, этого Евгения Павловича надо еще **очень, очень рассмотреть**, раскусить его надо, да и Аглая, кажется, не очень-то больше других его жалует!* [Ф.М. Достоевский «Идиот»]

Предикаты ментальных и перцептивных процессов *думать, всматриваться, слушать, прислушиваться, наблюдать, читать* не сочетаются с наречиями *хорошо — плохо* в функции интенсификаторов. При них, как и при глаголах действий, *очень* замещает наречия со значением параметра или лексически ограниченной сочетаемостью — *много, напряженно, глубоко, пристально, внимательно*:

(10) *Что говорил я тогда, я совсем не помню, и вряд ли складно хоть сколько-нибудь, вряд ли даже слова выговаривал ясно; но он **очень слушал*** (Ф.М. Достоевский «Подросток»);

(11) *Действительно, немцы, в своих маленьких вагонных купе, в которых помещается *тахтит* по 8 человек, в продолжение пути **очень наблюдают друг за другом**.* (Ф.М. Достоевский «Дневник писателя»);

(12) *Письмо Ваше (первое) **очень читал*** (Ф.М. Достоевский Письма);

(13) *Это не значит вовсе, что я не думаю о моей повести в «Зарю»; думаю, **очень думаю** и во что бы то ни было поставлю* (Ф.М. Достоевский Письма).

В нестандартных словосочетаниях с ментальными и перцептивными предикатами, как и в словосочетаниях с предикатами типа *понять, вспомнить*, акцент смещается с отдельных параметров конкретной ситуации на характеристику состояния субъекта: подчеркивается крайнее напряжение, которое сопровождает действие. Отметим, что словосочетание *очень думать* употреблялось в языке XIX века, однако не было очень широко распространено. Словосочетание *очень думать* имеет в [НКРЯ 1801—1900] 3 вхождения (все примеры — за пределами текстов Достоевского), поиск словосочетания *много думать* дает 365 вхождений.

Очень свободно сочетается с глаголами речи, включающей оценку (*благодарить, укорять, ругать, хвалить, бранить*) и глаголами речи, обозначающими воздействие на собеседника (*просить, настаивать, расспрашивать*), однако не сочетается со многими обозначениями речевых актов, поскольку интенсификации в этом случае могут подвергаться только дополнительные параметры ситуации, такие как объем информации, длительность речи (*много говорить, постоянно болтать*) или состояние субъекта (*настойчиво спрашивать*). Для языка Ф.М. Достоевского характерно употребление *очень* вместо интенсификаторов со значением количественной оценки ситуации (длительности речи и объема информации) — в примерах (14) и (15), а также состояния субъекта речи — в примерах (16) и (17):

(14) — *Вы очень болтаете, Липутин, — пробормотал тот гневно* (Ф.М. Достоевский *Бесы*);

(15) — *Очень, очень шептались про Николая Всеволодовича* (Ф.М. Достоевский *«Бесы»*);

(16) *Вчера хотел было ехать к ним на дачу на именины О<льги> К<ириллов>ны, так как он очень звал, но стала дождливая погода, и я не поехал* (Ф.М. Достоевский *Письма*);

(17) *А потому очень повторяю просьбу мою: если возможно, скорее осведомиться насчет возможности нанять в деревне и уведомить нас, чтобы мы знали заблаговременно.* (Ф.М. Достоевский *Письма*).

Ср. для примеров (14) и (15) словосочетания с обозначением конкретного параметра: *много болтаете, постоянно шептались*; для примеров (16) и (17) словосочетания, в которых наречия указывают на состояние субъекта: *настойчиво звал, упорно повторяю*. Интенсификаторы *настойчиво* и *упорно* подчеркивают разные аспекты состояния субъекта, а *очень* акцентирует интенсивность состояния субъекта как таковую.

Здесь нужно оговориться, что словосочетания, которые мы выбираем для сравнения, и значения, которые мы им приписываем, могут быть рассмотрены только в качестве лингвистического эксперимента, который позволяет показать семантический и стилистический эффект нестандартной сочетаемости. Говоря о «замене» интенсификатора с более конкретным значением на *очень*, мы не связываем эту замену с реальным процессом написания художественного текста и выбора между тем или иным смыслом и способом выражения. Более того, многие контексты с *очень* способны синкретично выражать те значения, которые могут быть выражены только несколькими интенсификаторами с более специализированным значением. Например, *очень* в контексте (18) может относиться одновременно и к частоте или длительности молитвы, и к силе переживаний молящегося:

(18) *Так ты очень молишься богу-то, Соня? — спросил он ее* (Ф.М. Достоевский. *Преступление и наказание*).

Ср. словосочетание *очень молиться* в [НКРЯ 1801—1900] встречается только у Ф.М. Достоевского (2 вхождения), в то время как поиск словосочетания *горячо молиться* дает 75 вхождений, *долго молиться* — 55 вхождений, *часто молиться* — 18 вхождений.

Словосочетания с заменой более конкретного интенсификатора на «общий» представляют собой заметное явление стиля Ф.М. Достоевского. Кроме перечисленных групп *очень* может сочетаться с самыми разными семантическими классами предикатов, например: *очень часто только так кажется, что нет точек общих, а они очень есть* «Идиот»; *Пора, очень пора* «Преступление и наказание»; *он очень в состоянии спустить курок* «Бесы».

В нестандартных сочетаниях с *очень* изменяется общезыковая концептуализация ситуаций. Параметр степень, который может быть приписан одному из аспектов ситуации, в том числе относиться к состоянию субъекта, относится

в таких сочетаниях к ситуации в целом, подчеркивает интенсивность состояния субъекта как таковую, а также выступает как средство эмфатического выделения. В фокусе оказываются не те или иные логические, онтологические аспекты ситуации, а ее эмоционально-экспрессивная оценка говорящим.

Как уже говорилось, в образовании словосочетаний этого типа задействованы и другие интенсификаторы с недифференцированным значением: *страшно, ужасно, в высшей степени*, а также *слишком*, которое могло употребляться в значении ‘очень’ [11. С. 69]: *голова ужасно живет и работает* «Идиот»; *Настасья Филипповна будто бы в высшей степени знает, что Ганя женится только на деньгах* «Идиот» *Я страшно читаю, и чтение страшно действует на меня* [письмо М.М. Достоевскому]; *я писал, слишком вообразяя себя таким именно, каким был в каждую из тех минут, которые описывал* «Подросток».

Горячий/горячо: гиперболизация эмоций

Прилагательное *горячий*, наречие и предикатив *горячо* относятся к классу слов с экспериенциальной семантикой, описывающих «сферу воздействия мира на человека, его органы восприятия и сознание и возникающих в результате этого внутренних состояний и реакций» [12. С. 11].

Конечной точкой семантического развития многих экспериенциальных слов являются интенсификаторы. Значение высокой степени выглядит как конечная стадия семантического упрощения, опустошения лексической единицы: «у многих качественных слов конечным пунктом, последней стадией семантического развития оказывается степенное значение (в конце своего „жизненного пути“ слово становится Magn’ом)» [13. С. 264]: *жуткий холод, острая необходимость* и т.п. Однако «большинство этих лексикализованных сочетаний не полностью „выветрены“, они семантически мотивированы, хотя и несвободны» [12. С. 303]. Как правило, они сохраняют связь с прототипической ситуацией и яркую внутреннюю форму, которые определяют частную специфику значения и особенности сочетаемости интенсификатора. Значение высокой степени возникает в результате метафорического переосмысления различных экспериенциальных ситуаций, например, тяжесть давит, отнимает силы, пригибает к земле и в какой-то момент становится невыносимой → *тяжелая болезнь, утрата; невыносимая боль, горе, страдание*; острое пронзает и ранит → *острая критика, острая обида* [13. С. 260].

Интенсификаторы *горячий* и *горячо* (в соответствии с мотивировкой «горячее согревает, „возбуждает“, делает человека более активным» [13. С. 260]) выражают высокую степень эмоциональной вовлеченности субъекта в ситуацию и силу эмоциональной реакции, эмоциональный порыв, а часто и «активность» субъекта, поскольку сильные эмоции выражаются в мимике, жестах, действиях. *Горячий* и *горячо* становятся интенсификаторами, когда присоединяются к словам с градуируемым значением, которые обозначают определенный тип ситуаций, а именно ситуации, предполагающие эмоциональный

порыв, эмоциональную вовлеченность субъекта. Если это требование нарушается, возникают нестандартные словосочетания.

Так, интенсификаторы *горячий* и *горячо* свободно сочетаются с некоторыми предикатами ментальной сферы — в том случае, если внутреннее состояние включает ментальные и эмоциональные аспекты: *горячо верить*; *горячая вера*; *горячее убеждение, согласие*. Однако в том случае, если интенсификатор *горячо* присоединяется к словам со значением ментального процесса *думать, мысль* (в примере (19)) или к глаголам со значением изменения ментального состояния *решить, понять* (в примерах (20) и (21)), возникают нестандартные сочетания:

(19) *Старушонка вздор! — думал он горячо и порывисто, — старуха, пожалуй что, и ошибка, не в ней и дело!* (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»);

(20) *Алеша твердо и горячо решил, что, несмотря на обещание, данное им, видеться с отцом, Хохлаковыми, братом и Катериной Ивановной, — завтра он не выйдет из монастыря совсем и останется при старце своем до самой кончины его* (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»);

(21) *Значит, этого-то всего более и недостает у нас в литературе, коли сразу и вдруг так горячо меня поняли* (Ф.М. Достоевский «Идиот»).

Семантическое рассогласование приводит к тому, что в таких словосочетаниях *горячий* и *горячо* не могут восприниматься, строго говоря, как интенсификаторы ментальных процессов. Они имеют самостоятельное значение сопровождающей эмоции: ‘с горячим чувством’, ‘сильно переживая’. Например, *горячее впечатление* в (22) — не только ‘сильное’ (ср. *яркое впечатление*), но ‘сильно действующее на чувства’, *горячо вспоминать* в (23) — ‘вспоминать, испытывая сильные чувства’:

(22) *И потому впечатление юноши, может быть, было горячее, потрясающее нервы, охлаждающее эпидерму <...>* (Ф.М. Достоевский «Г-н — бов и вопрос об искусстве»);

(23) *Вы говорите, что вспоминали обо мне горячо и говорили: зачем, зачем?* (Ф.М. Достоевский. Письма).

Нехарактерную сочетаемость демонстрируют словосочетания с существительным *уважение*: интеллектуальная оценка, которая преобладает в *уважать/уважение*, вступает в противоречие с представлением об эмоциональном порыве, который предполагают интенсификаторы *горячий* и *горячо*:

(24) *Но вот для чего я это написал: мне хотелось непременно высказать Вам самую сердечную признательность, самое горячее уважение за правду и за прекрасную деятельность Вашу особенно в эту минуту* (Ф.М. Достоевский. Письма);

(25) *Передай мой поклон и горячее уважение мое твоей жене* (Ф.М. Достоевский. Письма).

Нестандартные словосочетания возникают при присоединении наречия *горячо* к глаголам активного восприятия *следить* и *прислушиваться*. В примере

(26) наречие *горячо* может быть воспринято как обозначение высокой степени активности, однако контекст говорит в пользу интерпретации ‘с горячим чувством’:

(26) *Он горячо, с страстным участием следил за движением современной общественной жизни и, сколько я помню, почти всегда составлял себе о нем точное мнение* (Ф.М. Достоевский «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском»).

Словосочетание *горячо прислушиваться* в примере (27) можно интерпретировать как результат довольно характерного для языка Достоевского приема нестандартной семантической компрессии, когда один и тот же субъект характеризуется предикатами Р-1 и Р-2, и адverbиальная характеристика невыраженного Р-2 присоединяется к выраженному Р-1:

(27) *Надо жить по закону природы и правды, — проговорила из-за двери госпожа Дергачева. Дверь была капельку приотворена, и видно было, что она стояла, держа ребенка у груди, с прикрытой грудью, и горячо прислушивалась* (Ф.М. Достоевский «Подросток»).

В таких словосочетаниях совмещаются указание на одну пропозицию (выражена в опорном слове) и интенсификатор от второй пропозиции, который ассоциируется с ней и создает эффект ее «материализации» в тексте. Идиоматичный интенсификатор *горячо* вызывает ассоциации со «своими» опорными словами: *горячее одобрение, горячая поддержка, горячее сочувствие, горячее участие* и т. п. [9], следовательно, *горячо прислушивалась* можно интерпретировать как ‘прислушивалась и горячо [поддерживала, одобряла] то, что слышала’. Тот же механизм образования нестандартного сочетания можно выявить в контексте (44) (см. далее).

Горячий и *горячо* могут сочетаться с названиями действий и деятельностей, если ситуация подразумевает эмоциональную вовлеченность: *в горячую защиту пускаться* «Г-н –бов и вопрос об искусстве», *горячо ищет примирения, горячего материнского служения* «Дневник писателя». Однако чем больше эмоциональная составляющая отходит на периферию значения опорного слова, тем более нестандартными будут словосочетания с интенсификаторами *горячий* и *горячо*, и одновременно в фокусе окажутся значение сопровождающей эмоции и указание на активность субъекта:

(28) *И вот, среди самых горячих хлопот, ей вдруг вздумалось послать карету за Степаном Трофимовичем* (Ф.М. Достоевский «Бесы»);

(29) *На учительское место у нас большей частью приезжает теперь молодой человек, хотя бы даже и желающий сделать добро, но не знающий народа, мнительный и недоверчивый; после первых, иногда самых горячих и благородных, усилий быстро утомляется <...>* (Ф.М. Достоевский «Дневник писателя»).

Таким образом, нестандартная сочетаемость *горячий* и *горячо* демонстрируют общую тенденцию к гиперболизации эмоционального проявления тех или иных процессов и состояний. В этот процесс включаются также и другие

прилагательные и наречия, ср. *Он страстно уважает благородство, с неудержимым намерением все загладить я вдруг вскочил с дивана, с таким жаром ждали, самая яростная мечтательность сопровождала меня вплоть до открытия «идеи» «Подросток»; Об этой другой, обновленной и уже «добродетельной» жизни («непреренно, непременно добродетельной») он мечтал поминутно и исступленно «Братья Карамазовы».* При соединении интенсификатора, маркирующего эмоциональные состояния, к обозначениям из сферы ментальных процессов и состояний, физических действий и деятельности происходит изменение концептуализации таких ситуаций, характерное для художественного мира Достоевского, героям которого свойственны сильные эмоции, страсти, страдания и «надрывы».

Изо всех сил: нестандартная агентивность ситуаций

Интенсификатор *изо/из всех сил*, а также интенсификатор *изо/из всей силы* и близкие к ним по смыслу *из последних сил*, *сколько есть сил/сколько было силы*, *что есть сил/что было силы* характеризуют агентивного субъекта, поэтому их можно назвать *агентивными*.

Агенс — это «падеж обычно одушевленного инициатора действия» [14. С. 405], а агентивность — свойство целенаправленных действий. Ситуации с участием агенса характеризуются признаками ‘намеренность’ (‘целенаправленность’) и ‘контролируемость’, отличающими его действия от других динамических процессов, которые тоже приводят к изменениям (*Солнце высушило лужи; Ветер повалил дерево*). Интенсификатор *изо всех сил* соответствует такой характеристике агенса и агентивных ситуаций, как ‘приложение усилий’ [15. С. 111; 16. С. 64, 68].

Агентивность усматривается в самых разных намеренных и контролируемых ситуациях — активном восприятии (*смотреть, слушать*), ментальных процессах-действиях (*обдумывать, анализировать*), речевых актах. Однако прототипической для Агенса ситуацией является физическое действие. В рамках физического действия Агенс является инициатором усилий (*копать яму*) или каузатором результата (*сушить белье на солнце*), субъектом цели и контролером, который следит за соответствием происходящих изменений намеченной цели. Интенсификатор *изо всех сил* обычно характеризует субъекта-агенса физических ситуаций, исходной и основной для него функцией является характеристика физических усилий субъекта: «Х сознательно прилагает большие физические усилия для осуществления Р» [12. С. 173—175].

Изо всех сил и др. имеет достаточно широкую сочетаемость, употребление этих интенсификаторов семантически оправдано в тех случаях, когда ситуация так или иначе подразумевает усилия субъекта для осуществления намеченной цели. Однако признак ‘приложение усилий’ может оставаться на периферии семантического представления ситуации, а может и вовсе противоречить ей — в этом случае употребление этих интенсификаторов приводит к появлению нестандартных сочетаний.

Нестандартные сочетания в языке Ф.М. Достоевского образуются, если агентивные интенсификаторы присоединяются к предикатам внутренних состояний и процессов — ментальным, волитивным, эмоциональным, а также к глаголам принятия решения *решишь, решиться* и глаголу *спешить*. Сочетаясь с исходно неагентивными (экспериментальными) предикатами, *изо всех сил* и др. придают соответствующим ситуациям не свойственную им агентивность.

В некоторых словосочетаниях с глаголами желания *изо всех сил* выдвигает на первый план идею намерения и готовности субъекта прилагать усилия для исполнения желаемого. Такие словосочетания легко семантизируются:

(30) *Сам видел, в руках у них видел три тысячи как одну копеечку, глазами созерцал, уж нам ли счету не понимать-с! — восклицал Трифон Борисович, изо всех сил желая угодить «начальству».* [Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»]

(31) *И вот этот факт народного сознания наши либералы 60-х годов хотят изо всей силы похоронить и — соединяются в таком случае с гонителями народа, с презирающими его, с теми, которые до сих пор наклонны считать его за податную единицу и только.* (Ф.М. Достоевский. Письма).

В других контекстах выражение намерения исключено или сильно затруднено. Так, *хотеть* «выражает чистое желание в контексте стативных глаголов», «значение намерения в таких контекстах исключено, потому что содержанием намерения обычно является действие, а не состояние» [17. С. 1248]. В примере (32) присоединение *изо всех сил* к глаголу желания в сочетании со стативным глаголом *знать* порождает нестандартную сочетаемость:

(32) *Я изо всей силы хочу знать, что ты тогда подумал* (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»).

В *решиться* значение намерения сочетается с ментальным процессом принятия решения, *решиться* включает представление о стативном значении мнения [18. С. 307—308]. В примере (33) агентивный интенсификатор актуализирует в *решиться* идею «процесса мобилизации воли» в ущерб идее «состояния, в котором находится человек после того, как он принял решение» [17. С. 1065] и акцентирует усилия субъекта в волевом состоянии и ментальном процессе:

(33) *Я вдруг изо всей силы решил ожидать его и велел подать себе обедать; по крайней мере являлась надежда* (Ф.М. Достоевский «Подросток»).

Однако смысл ‘приложение усилий’ остается на периферии. Стативные значения намерения и мнения вступают в противоречие с идеей о приложении усилий и делают сочетания агентивных интенсификаторов с *решишь* и *решиться* нестандартными. Ситуация в целом приобретает несвойственный ей акцент на усилиях субъекта.

Сочетаемость с *изо всех сил* не характерна для *спешить*, поскольку, вероятно, *спешить* выражает идею состояния, точнее — состояния напряжения [19]. В то же время *спешить* — это и ‘делать как можно быстрее’ [18. С. 110],

т. е. действие, имеющее цель. Поэтому *спешить* образует с агентивными интенсификаторами нестандартные словосочетания, в которых идея действия оказывается в фокусе, например:

(34) *В настоящее время он тоже принужден был выйти из университета, но ненадолго, и из всех сил спешил поправить обстоятельства, чтобы можно было продолжать* (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»).

Глаголы активного восприятия *слушать*, *прислушиваться*, *глядеть*, будучи агентивными, имеют свои узуальные интенсификаторы: *внимательно слушать*, *пристально смотреть*. Их употребление с интенсификатором *изо всех сил* является нарушением узуальной сочетаемости. В [НКРЯ 1801—1900] находим 274 вхождений при поиске сочетания *внимательно слушать*, *изо (из) всех сил слушать* находим только у Достоевского — 2 вхождения; *пристально глядеть* — 163 вхождения, *изо всех сил глядеть* — ни одного. В процессах *слушать* и *глядеть* в примерах (35) и (36) *изо всех сил* выделяет признак ‘приложение усилий’, т. е. на параметр, который обычно остается на периферии (ср. глаголы *прислушиваться*, *вслушиваться* и др., в которых параметр ‘приложение усилий’ является основным):

(35) *Затем стремглав побежала на кухню; там она готовила закуску; но и до прихода князя, — только что на минуту могла оторваться от дела, — являлась на террасу и из всех сил слушала горячие споры о самых отвлеченных и странных для нее вещах, не умолкавшие между подпившими гостями* (Ф.М. Достоевский «Идиот»).

(36) *Кровь ударила мне опять в лицо: я вдруг как бы что-то понял совсем уже новое; я глядел на нее вопросительно изо всех сил* (Ф.М. Достоевский «Подросток»).

Сочетания агентивных интенсификаторов с экспериенциальными предикатами эмоциональных состояний и отношений (*бояться*, *ненавидеть*) порождают нестандартные контексты, в которых глаголам навязываются признаки ‘целенаправленное действие’ и ‘приложение физических усилий’, несовместимые с представлением о канонической экспериенциальной ситуации:

(37) *Это я вас изо всей силы боюсь, а не вы меня!* (Ф.М. Достоевский «Бесы»).

(38) *О, тогда ненависть, глухая ненависть ко всему уже проникла в мое сердце, совсем напитала его; я хоть и обчищал щеткой Гушара по-прежнему, но уже ненавидел его изо всех сил и каждый день все больше и больше* (Ф.М. Достоевский «Подросток»).

При названиях ментальных процессов *изо всех сил* акцентирует физические усилия субъект или его напряженное состояние:

(39) *Это уже в третье или четвертое его посещение, именно в ту эпоху, когда я поступал в мировые посредники и когда, разумеется, изо всех сил принялся изучать Россию* (Ф.М. Достоевский «Подросток»);

(40) *Да, я мечтал изо всех сил и до того, что мне некогда было разговаривать; из этого вывели, что я нелюдим, а из рассеянности моей делали еще*

сквернее выводы на мой счет, но розовые щеки мои доказывали противное (Ф.М. Достоевский «Подросток»).

Сочетания *изо всех сил* и др. с ментальными стативами также нестандартны с точки зрения семантической сочетаемости. В контекстах (41) и (42) интенсификаторы используются как средство гиперболизации внутреннего напряжения:

(41) *Впрочем, оставим; чувствую из всех сил, что заговорил не на свою тему* (Ф.М. Достоевский «Дневник писателя»);

(42) *А все-таки я влюблен в Вас (вовсе не шучу), и Вы моя госпожа и повелительница навеки, ведь сознаю же я это изо всех сил* (Ф.М. Достоевский Письма).

Ждать указывает на действительную волю субъекта, однако скорее противоположен представлению о намерении субъекта совершить какое-либо действие. Поэтому сочетание *изо всех сил ждать* в примере (43) можно воспринимать также как гиперболизацию внутреннего напряжения:

(43) *Они так недавно еще кричали на весь мир, что мы бедны и ничтожны, они насмешливо уверяли всех, что духа народного нет у нас вовсе <...> и что мы, в заключение, сами видим, что расхрабрились и зарвались не в меру, и изо всех сил ждем только предлога, как бы отступить без последней степени позорных пощечин, которых «даже и нам уже нельзя выноситься», и молим, чтоб предлог этот нам выдумала Европа.* (Ф.М. Достоевский «Дневник писателя»).

В примере (44) нестандартное выражение порождает сочетание *изо всех сил* с модальным предикативом *надо*:

(44) *Но он и не хотел уходить: ему самому надо было изо всех сил, чтобы бал состоялся сегодня и чтоб Юлия Михайловна непременно была на нем...* (Ф.М. Достоевский «Бесы»).

Вряд ли можно найти в *надо*, хотя бы на периферии, семантический признак ‘приложение усилий’, поэтому контекст (44) можно рассматривать как случай нестандартной семантической компрессии: Петру Верховенскому было *надо* (P-1), чтобы бал состоялся, и он *изо всех сил* [старался/хлопотал (P-2)], чтобы Юлия Михайловна была на нем, ср. выше пример (27).

Нестандартную сочетаемость агентивных интенсификаторов можно рассматривать как случаи переинтерпретации, реконцептуализации ситуации. Поскольку *изо всех сил* (*изо всей силы* и др.) относится к агентивным ситуациям, он навязывает неагентивной ситуации другую концептуализацию. В результате употребления нетипичных интенсификаторов ситуация получает несвойственную ей степень агентивности: эмоции, ментальные и волевые состояния приобретают в художественном мире Достоевского динамику процессов и активность контролируемых целенаправленных действий. При этом не только *изо всех сил*, *изо всей силы* и др. включаются в текстах Достоевского в процесс создания аномально агентивных ситуаций, ср. *неустанно: помни, юный, неустанно; неустанно еще верует народ наш в правду, бога признает,*

умилительно плачет «Братья Карамазовы»; упорно: я упорно убежден, что она это из личного мщения ко мне «Идиот», Катерина Ивановна сама до страсти и упорно любит брата его Дмитрия, этот проклятый старик, столь упорно и столь по-своему любящий человечество «Братья Карамазовы».

Заключение

В языке Ф.М. Достоевского в нестандартных словосочетаниях с интенсификаторами происходит изменение концептуализации ситуации за счет смещения фокуса внимания с одного компонента толкования опорного слова на другой, либо интенсификаторы «навязывают» ситуациям, обозначенным опорными словами, не свойственную им концептуализацию.

Интенсификатор *очень* в норме сочетается с глаголами, которые семантически связаны с неопредельными признаками, процессами и состояниями, поддающимися градуированию. В языке Ф.М. Достоевского *очень* может присоединяться к предикатам самых разных семантических групп, однако наиболее значительные по количеству группы нестандартных сочетаний образуются с предикатами действий и деятельности, предикатами ментальных процессов и состояний, глаголами речи, которые в норме с *очень* не сочетаются. В нестандартных словосочетаниях с *очень* интенсифицируется ситуация в целом или несколько параметров одновременно, в то время как в стандартных сочетаниях интенсифицировался бы какой-либо конкретный параметр. Так называемая «замена» идиоматичного интенсификатора со значением конкретного параметра на *очень* со значением высокой степени как таковой — средство эмфатического выделения и акцентирования эмоционально-экспрессивной оценки.

Интенсификаторы *горячий* и *горячо* в соответствии со своей мотивировкой акцентируют эмоциональную составляющую ситуации и, в некоторый случаях, активность субъекта ситуации. Нестандартные сочетания образуются при присоединении *горячий/горячо* к обозначениям ментальной сферы, действий и деятельности, которые не подразумевают эмоциональную вовлеченность субъекта. В этом случае *горячий* и *горячо* выступают не только как интенсификаторы с нестандартной сочетаемостью, но, в большей или меньшей степени, указывают на сопровождающую эмоцию, подчеркивая эмоциональную составляющую ситуации даже в том случае, когда она противоречит основному «содержанию» ситуации.

Интенсификаторы *изо всех сил* и др. характеризуют субъекта агентивных ситуаций и указывают на большое количество усилий, которые субъект прилагает для совершения действия. В нестандартных сочетаниях с обозначениями эмоций, волевых и ментальных состояний агентивные интенсификаторы подчеркивают внутреннее напряжение и активность субъекта, сообщают ситуации несвойственную ей динамичность и агентивность, т.е. целенаправленность и контролируемость.

Семантическая разметка корпуса употреблений и анализ нестандартных словосочетаний с интенсификаторами позволяют выявить особенности синтагматики и парадигматики текстов Ф.М. Достоевского, семантические и стилистические эффекты нестандартной сочетаемости. Нестандартные сочетания с интенсификаторами составляют отличительную особенность идиостиля Достоевского и отражает авторскую художественную концептуализацию мира.

Библиографический список

1. Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе. Проблемы кибернетики. Вып. 19. 1967. С. 177—238.
2. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, Синтаксис. М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Мельчук И.А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012.
4. Mel'čuk, Igor, Vers une linguistique Sens-Texte. Leçon inaugurale (given on Friday January 10th 1997), Collège de France, Chaire internationale [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://olst.ling.umontreal.ca/pdf/melcukColldeFr.pdf> (дата обращения: 01.11.2020).
5. Апресян Ю.Д. К новой версии теории лексических функций // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы : материалы и тезисы докладов. СПб: Нестор-История, 2011. С. 21—26.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 13.01.2021).
7. Чичерин А.В. Идеи и стиль. О природе поэтического слова. М.: Советский писатель, 1968. 374 с.
8. Ружицкий И.В. Что мы не понимаем у Достоевского // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. М.: ЛЕКСПУС, 2014. С. 184—191.
9. Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 01.11.2020).
10. Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст» // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 8—101.
11. Грановская Л.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: Очерки. М.: Эллис, 2005.
12. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
13. Кустова Г.И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (MAGN'ы прилагательные) // Слово и язык : сб. статей в честь 80-летия акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 256—268.
14. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 369—495.
15. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86—157.
16. Zaliznjak A.A. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Slavistische Beitrage, Band 298. Muenchen: Verlag Otto Zagner, 1992.
17. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общ. руководством акад. Ю.Д. Апресяна. М.-Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004.

18. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
19. Добровольский Д.О., Падучева Е.В. Показатели высокой степени: семантика и сочетаемость // *Znaczenie — Tekst — Kultura*. Том 5. Prace ofiorowane Profesor Elżbiecie Jaunus. Warszawa: WUKSW, 2014. С. 27—41.

References

1. Zholkovskii, A.K. & Mel'čuk, I.A. (1967). On Semantic Synthesis. *Problems of cybernetics*, 19, 17—238. (In Russ.).
2. Mel'čuk, I.A. (1999). *The Theory of Linguistic Models «Meaning-Text»*. Semantics. Syntax. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.).
3. Mel'čuk, I.A. (2012). *Language: from Meaning to Text*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.).
4. Mel'čuk, I. *Vers une linguistique Sens-Texte*. Leçon inaugurale (given on Friday January 10th 1997), Collège de France, Chaire internationale [Electronic resource] URL: <http://olst.ling.umontreal.ca/pdf/melcukColldeFr.pdf> (accessed: 01.11.2020). (In French).
5. Apresyan, Yu.D. (2011). On the New Version of the Theory of Lexical Functions. In: *Intenational conference dedicated to the 50th anniversary of St. Petersburg Typological School. Abstracts*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 21—26. (In Russ.).
6. *Russian National Corpus* [Electronic resource] URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed: 13.01.2021). (In Russ.).
7. Chicherin, A.V. (1968). *Ideas and Style*. Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russ.).
8. Ruzhitskii, I.V. (2014). What we do not understand in Dostoevsky? In *Dostoevsky's word. Individual style and worldview*. Moscow: LEKSRUS. pp. 184—191. (In Russ.).
9. Kustova G.I. *Dictionary of Russian Collocations. Combinations with words designating high degree (MAGN-adjectives)* [Electronic resource] URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (accessed: 01.11.2020). (In Russ.).
10. Apresyan, Yu.D. (1995). Types of Information for Semantic Representation of Linguistic Model “Meaning-Text”. In: *Selected works. Vol. 2. Integral description of languages and system lexicography*. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury». pp. 8—101. (In Russ.).
11. Granovskaya, L.M. (2005). *Russian Literary Language in the late 19th and early 20th centuries: Essays*. Moscow: Elpis. (In Russ.).
12. Kustova, G.I. (2004). *Types of Derived Meanings and Mechanisms of Semantic Extension*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.).
13. Kustova, G.I. (2011). Words Designating High Degree: Semantic Models and Semantic Mechanisms. In *Word and language. Studies in honour of the 80th anniversary of academician Yu.D. Apresyan*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. pp. 256—268. (In Russ.).
14. Fillmore, Ch. (1981). The Case of Case. In: *New in Modern Linguistics. Vol. 10. Linguistic semantics*. Moscow: Progress. pp. 369—495. (In Russ.).
15. Seliverstova, O.N. (1982). The Second Version of the Classification Grid and the Description of Several Predicate Types in Russian. In *Semantic types of predicates*. Moscow: Nauka. pp. 86—157. (In Russ.).
16. Zaliznjak, A.A. (1992). *Studies on Semantics of Predicates Designating Inner State. Slavistische Beitrage, Band 298*. Muenchen, Verlag Otto Zagner. (In Russ.).
17. *New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms* (2004) Yu.D Apresyan (ed.) Moscow—Vienna: Yazyki slavyanskoi kul'tury: Venskii slavisticheskii al'manakh. (In Russ.).
18. Paducheva, E.V. (2004). *Dynamic Models in Lexical Semantics*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 608 p. (In Russ.).
19. Dobrovol'skii, D.O. & Paducheva, E.V. (2014). Intensifiers: Semantics and Combinability. In *Meaning — Text — Culture. Vol 5. Studies in honour of Professor Elżbieta Jaunus*. Warszawa: WUKSW. pp. 27—41. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Шарапова Екатерина Вячеславовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; *сфера научных интересов*: семантика, лексикография, лексикология, язык художественной литературы, язык Ф.М. Достоевского; *e-mail*: katyasharapik@gmail.com. ORCID: 0000-0002-7837-6943; eLibrary SPIN-код: 7424-9125.

Information about the author:

Ekaterina V. Sharapova, PhD, Research assistant at the Departement of Experimental Lexicography of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS; *Research interests*: semantics, lexicography, lexicology, fiction writing, Fyodor Dostoevsky's individual style; *e-mail*: katyasharapik@gmail.com. ORCID: 0000-0002-7837-6943; eLibrary SPIN-code: 7424-9125.